
Камила Левитан ✦ Анна Шилд
Развод с предателем.
Ты знал, почему я потеряла ребёнка, но молчал ради любовницы!
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Анна Шилд
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты знал, почему я потеряла ребёнка, но молчал ради любовницы!

https://litres.ru/74733679
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж выставил меня на мороз в тонком халате, бросил чемодан в сугроб и сжёг мои чертежи. Рядом его любовница снимала моё унижение на телефон.

Виктор забрал дом, работу и деньги. А напоследок заявил, что я не смогла подарить ему наследника.

Но вскоре я узнала страшную правду: годы моего бесплодия и потеря ребёнка могли быть связаны с ядовитыми выбросами его завода. Муж знал об опасности и предпочёл молчать.

Теперь у меня нет ничего, кроме доказательств и ярости. Помочь согласен независимый аудитор Артур Ветров.

Я разоблачу предприятие, отравившее целый город. Но хватит ли мне сил снова поверить мужчине?

И вернуть собственную жизнь.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Камила Левитан, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты знал, почему я потеряла ребёнка, но молчал ради любовницы!

Глава 1

Мороз в этом году был особенный — злая, кусачая тварь, которая лезла под кожу и выедала кости. Но я чувствовала его слабее, чем боль от того, как Виктор Громов, мой муж последние семь лет, держит входную дверь ногой.

— Пусти, — прошептала я. Голос сел, превратившись в хрип.

Виктор усмехнулся. Эта улыбка была мне знакома: она появлялась у него на лице перед тем, как он подписывал приказы об увольнении или когда акционеры пытались спорить с ним в совете директоров. Циничная, пустая, расчетливая.

— Марина Сергеевна, мы уже обсудили условия. Тебе нет

смысла там находиться. Ключи от сейфа нужны мне для инвентаризации активов. А твои личные вещи... они не представляют ценности для компании.

Он толкнул меня плечом. Я попыталась проскользнуть внутрь, но его рука метнулась быстрее, перехватывая мое запястье. Боль пронзила предплечье, когда он грубо скрутил мою руку за спину. Это было первое физическое касание за весь вечер, и оно пахло ненавистью. Раньше он просто игнорировал меня, делал вид, что я мебель, которая стоит не на своем месте. Теперь же он стал палачом.

— Отпусти! — крикнула я, но звук потонул в шуме открывающейся входной двери.

На крыльцо вышла Лидия Кольцова. Двадцать восемь лет, лицо фарфоровой куклы, глаза холодные, как январское небо над нашим городком. Она держала телефон вертикально, снимая сторис.

— Вот это стиль, да? — её голос звенел тише мороза, но громче моего стона. Камера телефона смотрела прямо на меня, на мой тонкий халат из дешевого хлопка, который я схватила с постели, услышав шум внизу. — Халат вместо шубы? Маринка, ты хоть знаешь, сколько стоит эта ткань? Хотя... тебе ведь больше ничего не стоит, правда?

Я хотела отвернуться, закрыть лицо руками, но Виктор демонстративно притянул Лидию к себе. Он обнял её за талию, прижимая так, будто проверял надежность замка. Это был жест власти, а не любви. Он показывал всем — соседям,

которые уже начали выглядывать из-за заборов коттеджного поселка «Сосновый берег», — кто здесь хозяин положения.

Из машины, стоявшей у ворот, донесся смех. Кто-то из охраны Виктора, людей, которых я считала своими коллегами, потому что они здоровались со мной каждое утро, перешептывался. Стыд обжигал сильнее холода. Я чувствовала себя экспонатом в музее позора. Я потянулась свободной рукой к двери: закрыть её, отгородиться хотя бы от охраны. Виктор снова упёрся в неё ногой. Пусть смотрят. Именно этого он и хотел.

Он отпустил мое запястье и сделал шаг назад, на снег. Он подхватил стоявший у двери мой чемодан. Тот самый, зеленый, пластиковый, купленный нами в поездку на Карелию три года назад. Мы тогда смеялись, планируя отпуск без детей, без завода, без этих проклятых труб химкомбината.

Виктор размахнулся и бросил чемодан прямо в сугроб у порога. Звук удара пластика о мерзлую землю отдался гулом в голове, заглушая даже ветер.

— Забирай своё дерьмо и исчезни, — сказал он ровно, без эмоций, как объявлял о производственном браке на отчетном собрании. — Акционеры не должны видеть тебя здесь. Ты создаешь лишние вопросы.

Я замерла. Воздух забился в легкие, но не мог пройти дальше горла.

— Мои документы, — выдохнула я, делая шаг к нему. — Папка с чертежами цеха №4. Трудовая книжка. Без них я не

смогу найти работу. Ты знаешь этот город, Виктор. Здесь все знают, чья жена я. Если ты заберешь всё, я умру.

Виктор посмотрел на меня сверху вниз. Его глаза сузились. Он полез во внутренний карман пальто и достал папку. Мою папку. Ту самую, где лежали чертежи системы вентиляции, которые я разрабатывала ночами, пока он спал рядом. Там были мои знания, моя профессия, моя жизнь до него.

Он достал зажигалку. В короткой паузе между порывами ветра я услышала щелчок колесика. Огонек поймал угол плотной бумаги. Пламя взметнулось вверх, жадно лижа края документов.

— Тебе больше не нужно работать со мной, Марин, — произнес он, глядя, как бумага чернеет и крошится. — Ты теперь никто. Никому не нужен инженер, который знает слишком много, если его фамилия больше не имеет веса.

Он бросил горящую папку в сугроб рядом с моим чемоданом. Пар зашипел, смешиваясь с белым дымом. Запах гари ударил в нос, перебивая запах мороза и чужого парфюма Лидии. Мои чертежи, годы работы, моя идентичность — всё превращалось в пепел у моих ног.

Я схватилась за телефон. Экран светился тускло: два процента заряда. Я набрала номер сестры. Пальцы дрожали так сильно, что кнопка «вызов» показалась мне огромной красной мишенью.

Гудок. Гудок. Гудок.

Экран погас. Черный прямоугольник отражал мое бледн-

ное, искаженное страхом лицо. Тишина вокруг стала абсолютной. Холод проникал сквозь тонкую ткань халата, кусая кожу тысячами игл. Ветер сорвал с перил оставленную там накидку и унёс её к забору. Я осталась одна посреди чужого двора, отрезанная от мира цифровыми стенами, которые построил мой муж. Ни связи, ни денег (карты были заблокированы час назад), ни дома.

И тут ворота участка заскрипели. Автоматика открыла их, выпуская на дорогу служебный автомобиль охраны завода. Надежда вспыхнула в груди ярким, обманчивым огоньком. Может быть, это помощь? Может, кто-то из инженеров понял, что происходит? Может, кто-то помнит, что именно я спасла цех от аварии год назад?

Из машины вышел начальник охраны, Сергей Петрович. Человек, которого я видела каждый день пять лет. Человек, которому я приносила кофе по утрам. Он подошел ко мне, опустив взгляд в планшет. Не в мои глаза. В планшет.

— Марина Сергеевна, вам нельзя здесь находиться, — сказал он вежливо, но твердо. В его голосе не было сочувствия, только протокол. — Виктор Петрович распорядился вызвать полицию, если вы не покинете территорию через пять минут.

Я ждала, что Сергей Петрович хотя бы поднимет глаза. Он продолжал смотреть в планшет. Они не защищали меня. Они защищали должность. И систему. Систему, которая теперь меня перемолола.

Я сделала шаг назад, к дороге. Ноги отказывали, мышцы сводило судорогой от холода и шока. Я видела, как Виктор садится в машину Лидии. Дверь захлопнулась с глухим щелчком, отсекая меня от тепла салона, от запаха кожи и дорогого табака. Машина тронулась, оставляя на снегу черные следы шин.

Но вдруг стекло опустилось.

Виктор повернул голову. На его лице не было ненависти. Только пустой, расчетливый интерес. Как у энтомолога, рассматривающего жука под микроскопом перед тем, как приколоть его булавкой.

— Кстати, — его голос долетел до меня сквозь рев двигателя и вой ветра. — Твои результаты обследования я отправил в архив. Жаль, что ты так и не смогла дать мне наследника. Это была единственная причина, почему я терпел твой характер.

Машина тронулась окончательно, растворяясь в сумерках и облаке выхлопных газов.

Я стояла посреди улицы, дрожа так сильно, что зубы выбивали дробь. Мир качнулся. Обследование. Беременность. Наследник. Слова крутились в голове, складываясь в новую, ужасающую картину. Все эти годы. Моя потерянная дочь, которую я не смогла сохранить после стресса на работе. Врачи говорили: «Стресс, организм истощен». Виктор говорил: «Ничего страшного, бывает». А он знал. Он всегда знал. Он использовал мою боль, мою трагедию как рычаг давления,

как оправдание своего презрения. Я не была несчастна из-за судьбы. Я была заложницей его молчания и его расчета.

В кармане халата, под смятой подкладкой, мои пальцы наткнулись на что-то твердое и смятое. Я вытащила это. Чек. Маленький, белый клочок бумаги из химической лаборатории комбината. Дата на чеке — три года назад. День, когда я впервые почувствовала вкус горечи во рту после смены. День, когда я списала это на недосып.

Я посмотрела на чек, потом на удаляющиеся красные огоньки стоп-сигналов. Мороз жег ноги, ветер рвал волосы, стыд горел внутри пожаром. Но теперь я знала одно: эта ложь убивает меня медленнее, чем холод. И я запомню каждый градус, каждую секунду этого унижения.

Они думают, что я сломана. Что я упущу шанс, потому что мне некуда идти. Но я стою здесь, в этом аду, и впервые за много лет дышу полной грудью. Пусть воздух пропитан гарью и ядом.

Я жива. И я запомню.

Глава 2

Мороз кусался не как зверь, а как счетовод: холодно, методично, без эмоций. Я стояла у КПП «Химсинтеза», чувствуя, как тонкий хлопок халата под моим старым пальто, вытащенным из чемодана, превращается в ледяную плёнку на коже. Внутри горел только один огонь — ярость. Не слезливая обида жены, брошенной в снег, а злая, расчетливая холодность инженера. Мне нужны были чертежи. И ключ-карта. Это была моя единственная валюта, мой пропуск обратно в мир людей, где я значу что-то больше, чем «бывшая».

Охранник Дима вышел из будки. Он был моложе меня на десять лет, но в его глазах читалась та же сытая уверенность, что и у всех, кто стоит на стороне победителя. В руках он держал мой старый пропуск — с моей фотографией и допуском к архиву цеха №4.

— Пропуск действителен до конца смены, — сказала я, протягивая руку. Голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину. — Марина Волкова. Инженер-технолог. Мне нужно забрать личные вещи из сейфа и получить расчет.

Дима посмотрел на пластик, потом на меня. Его лицо не выражало ни сочувствия, ни удивления. Только скуку.

— Приказ директора, — бросил он ровно. — Доступ перекрыт всем, кроме штатных сотрудников. Вы... уволены.

— Я требую встретиться с начальником охраны. Или с

юристом завода.

— Нет у вас доступа, Марина Сергеевна, — он произнес мое имя так, будто оно было ругательством. А затем, глядя мне прямо в глаза, он согнул пропуск пополам. Сухой треск пластика раздался громче, чем ветер. Он сломал его пополам, потом еще раз, и бросил обломки в снежную кашу у моих ног. — Бывшая жена. Иди домой. Если есть куда.

Я не двинулась с места. Смотрела на синие осколки своего статуса. Во рту стояла горечь, и проглотить её не получалось. Но прежде чем я успела развернуться, рев мотора заглушил всё остальное. Черный внедорожник Лидии затормозил буквально в полуметре от меня. Стекло опустилось плавно, открывая идеальное лицо новой хозяйки моего бывшего дома.

Лидия улыбалась. Эта улыбка была дороже любой пощёчины.

— Ой, Мариночка, ты забыла это? — Она высунула из окна руку с конвертом. Конверт был дорогим, крафтовым, перевязанным атласной лентой. — Виктор просил передать. Считай это... подарком на дорогу.

Я взяла конверт. Пальцы свело от холода, лента соскользнула, бумага упала в снег. Я подняла её. Внутри не было денег. Там лежала фотография. Мы с Виктором на озере, три года назад. На обороте его почерк: «Неудобный элемент. Утилизировать».

Сердце пропустило удар. Это не была подачка. Это было доказательство того, что я для него всегда была мусором, ко-

торый нужно вовремя вывезти, чтобы не мешать сделке века. Лидия уже поднимала стекло, когда из ворот комбината хлынула толпа рабочих. Смена кончилась.

Их лица были знакомы. Иваныч, которого я спасла от прогула два месяца назад. Петров, чью дочь я помогала устраивать в техникум. Они шли плотной стеной, дыша паром и сигаретами. Когда они увидели меня — в тонком халате, с растрепанными волосами, прижимающую к груди чужое унижение — тишина повисла лишь на секунду.

— Гляди-ка! — крикнул кто-то из задних рядов. Голос был густой, пьяный. — Шлюха! Ты его до бешенства довела!

— Да он сам хорош! — рявкнул другой, и смех волной прокатился по толпе. Смех не веселый, а злой, облегченный тем, что жертва теперь одна, а они — часть системы. Часть победителей.

Я сжала зубы так, что заныли челюсти. Ни слова. Ни объяснений. Я просто стояла, пока их презрение осыпало меня снегом. Моё молчание было прочитано ими как вина. Для них я была виновата в том, что директор стал жестоким. Что завод перестал платить премии. Что жизнь стала тяжелой. Все грехи мира легли на плечи одной женщины в халате.

Развернувшись, я пошла к служебному входу базы отдыха. Там, в номере, который я снимала под командировки, осталась сумка с документами. Единственное, что могло спасти мою карьеру. Дверь открыла администраторша, женщина с лицом, словно вырезанным из теста.

— Закрыто, — она даже не посмотрела на меня.

— Там мои вещи. Я прошу пять минут.

— Приказ Громова, — она ткнула пальцем в воздух. — Ни одна вещь Волковой не покидает пределы территории без подписи юриста.

— Позовите юриста.

Юрист был здесь. Высокий, худощавый мужчина в сером костюме стоял за спиной администратора, скучающе листая ленту в телефоне. Он поднял глаза, и в них не было ни капли человеческой теплоты. Только деловое любопытство хищника, проверяющего ловушку.

— Подписи нет, — сказал он ровным голосом. — А если бы и была... вас бы все равно не пустили внутрь. Правила безопасности, знаете ли.

Он знал, что я не смогу пройти. Он ждал этого. Это была не случайность, а спектакль. Меня должны были сломать полностью.

Я выбежала наружу, задыхаясь от мороза и бессилия. Нужно было обойти забор. Низкий участок сетки у старого склада химикатов. Я знала этот путь наизусть.

Но тело предало меня. Холод, который я игнорировала часами, наконец добрался до мышц. Руки одеревенели. Я попыталась ухватиться за верхнюю проволоку сетки, но пальцы скользнули по обледенелому металлу. Я сорвалась вниз, ударившись грудью о бетонный фундамент. Боль пронзила ребра. Попыталась встать, но ноги в легких туфлях отказа-

лись слушаться. Они стали деревянными, тяжелыми, чужими. Я сидела в снегу, в нескольких метрах от своей свободы, и понимала: физически я сломана. Мороз выжал из меня последние силы. Я не могла даже перелезть через низкую преграду. Я была заложницей своего тела.

Звук двигателя разрезал тишину. Из-за угла главного корпуса выехала машина Виктора. Та самая, черная, с тонированными стеклами. Она двигалась медленно, уверенно, как каток. Я подняла голову, надеясь... на что? На жалость? На ошибку?

Машина поравнялась со мной. Стекло не опустилось. Но я видела отражение в зеркале заднего вида. Профиль Виктора. Ровный нос, спокойные губы, взгляд, направленный строго вперед. Он не смотрел на меня. Он не видел меня. Для него я была пятном на дороге, мусором, который нужно объехать. Машина проехала мимо, оставив за собой облако выхлопных газов, пахнущих дорогим бензином и равнодушием.

Я вернулась в общежитие через час. Ноги не чувствовались вовсе. Администраторша дала мне комнату за последние наличные, которые я нашла в кармане халата. Три тысячи рублей. Цена моего достоинства.

В комнате пахло сыростью и чужим потом. Окна запотели. Я сбросила замерзшую обувь, пытаясь растереть стопы, но кожа была белой, восковой. Трясучка была такой сильной, что зубы клацали, как колодки.

На полу у двери стояла сумка. Моя сумка. Я вытащила

её из мусорного бака у ворот, когда охрана отвлеклась. Это была единственная победа дня.

Дрожащими руками я расстегнула молнию. Чертежей там не было. Их изъяли или уничтожили. Вместо них внутри лежала медицинская карта. Та самая, которую я прятала годами, стыдясь своего состояния. Карта из женской консультации.

Я достала её. Страницы слиплись от влаги. Последняя запись датирована месяцем назад. До нашего развода. До того, как Виктор выгнал меня на мороз.

Врач написал аккуратно, синей пастой: «Подозрение на токсическое поражение печени и репродуктивной функции. Уровень свинца критический. Рекомендовано срочное обследование в специализированном центре. Причина возможного воздействия — профессиональная среда».

Мир качнулся.

Я перечитала строку еще раз. И еще.

«Профессиональная среда».

Цех №4. Хранение реагентов. Мой стол, прямо над вентиляционной шахтой.

Виктор знал. Он всегда знал.

Все эти годы я лечилась от стресса, от «нервного истощения», от «женских болезней». Я пила таблетки, которые он покупал сам, не показывая рецептов. Я теряла ребенка, думая, что виновата в этом сама, что недостаточно берегла себя.

А я была отравлена. Медленно, системно. Чтобы быть слабой. Чтобы быть зависимой. Чтобы не иметь сил задать вопросы о том, почему сливы отходов идут в водохранилище, хотя по нормам они должны фильтроваться.

Его будущий брак с Лидией был не любовью. Это была сделка. Акционеры закрыли глаза на экологическую катастрофу, потому что им нужен был стабильный директор. А я... я была расходным материалом. Жертвой экспериментов на людях, которая случайно оказалась в постели хозяина полигона.

Я схватилась за живот. Тошнота подкатила к горлу. Не от голода. От ужаса масштаба подлости.

На дне сумки блеснул уголок бумаги. Анализ крови. Свежий. Тот самый, который я сдала неделю назад, когда слабость снова усилилась. Результат висел перед глазами, расплываясь от слез, которые я не хотела ронять.

Свинец. Норма — до 10 мкг/дл.

У меня — 35.

Я снова сверила цифру с бланком. Превышение было не опечаткой: врач обвёл результат и подчеркнул рекомендацию обследоваться.

Если я умру тихо, никто никогда не узнает правды. Виктор скажет, что я была больной, нервная, нестабильная. Лидия будет жить в доме, построенном на моих костях. Город будет пить воду, полную яда, и думать, что это норма.

А если я заговорю?

Кто поверит женщине без дома, без работы, с клеймом «истерички»? Кто поверит ей, если против неё весь город, весь завод, вся власть?

Я посмотрела на свои руки. Синие, потрескавшиеся, покрытые инеем. Но внутри них теперь горело что-то новое. Не надежда. Не любовь. Холодная, расчетливая ярость человека, которому дали время умереть, но который решил сначала убить того, кто дал ему эту возможность.

Я достала телефон. На остаточном заряде телефон ненадолго включился. Экран мерцал.

В контактах был номер Артура Ветрова. Независимого аудитора. Человека, который завтра должен был прийти на завод с проверкой аварийного выброса.

Лично мы не встречались. Я знала его по независимым заключениям: он не сглаживал выводы ради заказчика. Сейчас мне нужен был именно такой человек.

Я набрала сообщение: одна фраза, без приветствия и без просьбы.

«У меня есть доказательства отравления города. Встречаемся у проходной в 8 утра. Не опаздывайте. У меня мало времени».

Отправила. Телефон погас.

За окном выл ветер. В комнате стало совсем темно. Но в голове было светло. Я знала, что делать. И впервые за много лет я не боялась завтрашнего дня. Потому что завтра я перестану быть жертвой. Завтра я стану свидетелем обвинения.

Глава 3

Печка не хотела гореть. Она шипела, как раненая кошка, и выплевывала клубы сырого дыма, от которого у меня слезились глаза и першило в горле. Дрова были промерзшими насквозь, покрытыми ледяной коркой снаружи и влажной гнилью внутри. Я чиркала спичку за спичкой, пока коробка не размокла в моих дрожащих пальцах, превратившись в кашу из серой массы. Одна щепка всё же поймала искру. Тонкая, жалкая ниточка огня заплясала в темноте, и я сунула туда бумажку, обугленную до края. Пальцы обожгло так, что я вскрикнула, отдернув руку. Боль была острой, живой, но она ничего не изменила. Огонь погас.

Я сидела на холодном полу общежития, прижавшись спиной к стене, и плакала. Не от боли, а от бессилия. Моё тело стало предателем. Оно отказывалось слушать разум, тряслось мелкой дрожью, которая постепенно переходила в озноб. Зубы стучали так громко, что заглушали гул старого холодильника в углу. Этот гул был похож на дыхание больного зверя — тяжелое, прерывистое, живое только ради того, чтобы страдать дальше.

В дверь постучали. Резко, без вежливости. Я не успела подняться, когда ручка повернулась, и в комнату ворвался запах помоев и дешевого табака. Баба Зина, соседка по этажу, стояла на пороге с эмалированным ведром в руках. Грязь-

ная жижа плескалась через край, капая на линолеум.

— Ты чего тут расселась? — проскрипела она, глядя на меня мутными, водянистыми глазами. — У нас тут не санаторий, девка. И не благотворительность.

— Мне нужен хлеб, — мой голос сорвался на хрип. — Хотя бы сухарь.

Баба Зина цыкнула зубом, будто я предложила ей взятку. Она поставила ведро у стены и посмотрела на меня сверху вниз, хотя ростом была мне по грудь.

— Жена Громова? Ах, была. Теперь ты никто. Никому не нужна твоя «технологическая мысль». Виктор Петрович сказал: если увидит тебя в городе — вышвырнут как собаку. А ты здесь? Мёртвая уже. Для всех мёртвая.

Её слова ударили сильнее кулака. Равнодушие толпы было холоднее мороза за окном. Я осознала, что держаться за лицо больше нет смысла. Меня уже похоронили. И это освобождало. Внутри что-то щелкнуло, сменившись ледяным спокойствием.

— Выйди, — сказала я тихо.

Она фыркнула, развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что со стен посыпалась штукатурка.

Голод начал сводить желудок в тугой узел. Я подошла к холодильнику. Гул стал громче, почти угрожающим. Открыв дверцу, я увидела пустоту. На верхней полке лежала банка горчицы с истекшим сроком годности и засохшая корка хлеба, над которой трудилась мышь. Хвост зверька мелькнул в

тени. Я схватила корку, оторвала кусок и сунула в рот. Вкус был отвратительным — плесенью, пылью и чем-то сладковато-гнилым. Тошнота подкатила к горлу, но я заставила себя прожевать и проглотить. Это была единственная еда.

Под полкой блеснуло стекло. Забытая кем-то бутылка дешевой водки, наполовину полная. Этикетка отклеилась, оставив липкий след. Я взяла её в руки. Стекло холодило кожу, приятное ощущение среди всеобщего холода. Это был яд, но соблазнительная возможность заглушить озноб. Я сделала маленький глоток. Жидкость обожгла пищевод огнем, который быстро растворился в теле. Голова немного прояснилась. Выбросить жалко, пить нельзя. Я поставила бутылку обратно, решив оставить её на самый крайний случай.

Утро встретило меня стуком в дверь. На этот раз более настойчивым. Комендантша, женщина с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и вечно недовольным выражением, вошла, даже не дожидаясь разрешения. Пахло от неё валокордином и дешевыми духами.

— Три дня вперед, — потребовала она, протягивая тетрадь для записи. И паспорт. Где документ?

Я смотрела на её руку, грязную под ногтями, и чувствовала, как внутри поднимается волна паники. Паспорт забрал Виктор. «На хранение», сказал он, вынося мои вещи на мороз. Сказал, что я верну его, когда буду готова подписать бракоразводные документы. Тогда я думала, что это манипуляция. Теперь понимала: это ловушка. Без паспорта я здесь

никто. Нелегальная постоялица.

— Деньги будут завтра, — соврала я. Голос звучал увереннее, чем я чувствовала себя. — Перевод с карты. Система зависла из-за аварии на комбинате.

Комендантша сузила глаза.

— Завтра будет полиция, если не заплатишь сегодня. Или выселение. Через час.

Она развернулась и вышла. Я осталась одна в тишине, слыша, как тикают часы. Час. У меня есть один час, чтобы найти деньги или придумать ложь получше.

Я начала рыться в карманах своего халата. Ткань была тонкой, летней, совершенно неподходящей для этого климата. В правом кармане пальцы наткнулись на смятую бумагу. Чек. Из ресторана «Ампир», где мы отмечали годовщину. Дата была три года назад. Сумма внизу равнялась моей тогдашней месячной зарплате. Я смотрела на цифры, размытые от влаги, и видела не любовь. Я видела цену своей молчаливой роли. Цена того, что я улыбалась акционерам, когда они обсуждали выбросы. Цена того, что я молчала, когда Виктор говорил, что «все так делают».

Я сжала чек в кулак до побеления костяшек. Бумага впилась в ладонь, оставляя красные полосы. Ярость вытеснила страх. Боль стала топливом. Я не выбрасывала этот чек. Он был доказательством того, какой я была раньше. И того, кем я никогда не стану снова.

За окном послышался звук мотора. Дорогая машина, низ-

кий басок глушителя, которого не должно быть у серийных авто. Я подошла к окну. Сквозь замерзшее стекло видела, как мимо проезжает черный внедорожник Лидии Кольцовой. На пассажирском сиденье кто-то смеялся, запрокинув голову. Во дворе две девушки курили, глядя на мою комнату.

— Громовы теперь будут жить в центре, а та дура замерзнет в общаге, — донесся до меня их голос сквозь форточку. Они говорили обо мне, как о мертвеце. Как о мусоре, который нужно убрать.

Я могла закрыть шторы. Спрятаться. Но вместо этого я открыла форточку шире. Морозный воздух ударил в лицо, пахнул бензином и свежестью снега. Я вдыхала глубоко, жадно. Я хочу запомнить этот звук смеха. Он будет моим мотиватором. Каждый шаг, каждый глоток воды, каждая строчка расчётов будет сделана назло им. Назло этому смеху.

Час ожидания истёк. Комендантша пришла ровно в срок. За ней шли двое мужчин в форме участковых.

— Так, гражданка, — начала она, доставая блокнот. — Документы. Оплата.

— Я ищу свой паспорт, — сказала я, отступая назад. — Он должен быть здесь. В комнате.

Мужчины переглянулись. Один из них, молодой, с прыщиками на лице, шагнул внутрь.

— Разрешите осмотреть помещение?

Я кивнула. Страх сковал ноги, но я заставила себя стоять прямо. Пока они осматривали углы, проверяли шкаф, я за-

метила угол старой картонной папки под кроватью. Вчера, разбирая чемодан, я свалила на пол одежду и бумаги, которые Виктор не удосужился сжечь. Папка с рабочими копиями затерялась среди тряпок. Я искала основные чертежи в сумке и не вспомнила об этих листах.

Полицейский копнул носком ботинка под кровать. Что-то блеснуло.

— Это ваше?

Он вытащил папку. Обложка была поцарапана, углы загнуты. Я схватила её, прежде чем он успел задать вопросы. Внутри лежали схемы. Схема вентиляции цеха №4. Та самая, где происходили регулярные «аварийные выбросы», которые списывались на человеческий фактор. Там были отметки дат, времени и уровня концентрации веществ. Мой почерк. Мои расчеты. Те, которые Виктор заставил меня скрыть от проверки два года назад.

Руки перестали дрожать. Голод и холод отступили на второй план перед лицом этой находки. Эта бумага — доказательство того, что моя болезнь, потеря ребенка, бесплодие — всё это не случайность. Это следствие работы завода. Следствие яда, которым я дышала годами.

Я не жертва развода. Я свидетель преступления.

— Гражданка, вам нужно пройти в участок, — сказал полицейский, видя мое странное состояние. — Для беседы.

— Сейчас, — ответила я, пряча папку под мышку. — Только возьму куртку.

Они вышли в коридор ждать. Я осталась одна. Села на пол среди своих жалких пожитков. В руках схема цеха. В голове ясность, которой не было ни разу за последние годы. Я знала, что делать. Нужно связаться с теми, кто может прочитать эти бумаги правильно. С независимыми экспертами.

Стук в дверь. Ровный, уверенный. Не тот топот, что был у полицейских. Я не двигалась. Стук повторился.

— Марина Сергеевна? — произнес голос за дверью. Низкий, бархатный, с легкой хрипотцой. Это был Артур Ветров — тот, кому я написала вчера. Независимый аудитор. Человек, который мог спасти меня или добить окончательно.

Я медленно встала. Гудел холодильник. Пахло сыростью и водкой. И еще чем-то новым. Опасностью.

Глава 4

Мороз кусался так, будто у него были зубы из чистого льда. Я стояла за ржавым щитом забора «Химсинтеза», прижимаясь спиной к холодному металлу, и чувствовала, как трясется каждая клетка моего тела. Не от страха — от гипотермии. Мой тонкий халат, в котором меня вышвырнули из дома вчера, давно пропитался сыростью общежития и запахом дешевой дезинфекции. Пальцы онемели до синевы, но я не могла их разжать: в них зажат был ключ от служебного входа в старый склад реагентов. Мой рабочий ключ. Пропуск Дима уничтожил, а о нём никто не вспомнил.

Глупость? Нет. Это была моя последняя ставка. Если чертежи и пробы воды из лаборатории исчезнут, правды больше не будет. А мне нужна правда. Мне нужно знать, почему мое тело превратилось в пустыню, где не может прорасти жизнь. Почему врач шептал слова «токсическое поражение» вместо «стресс».

Охранник у черного хода зевнул, перекладывая сигарету из одного угла рта в другой. Он узнал меня. Конечно, узнал. Весь городок знает лицо жены директора, которая стала лицом позора. Его глаза сузились, когда он увидел мою фигуру в сером тряпье.

— Маринушка, ты чего тут рыщешь? — голос был густой, с похмельной хрипотцой. — Пропуск предъяви. Или тебя

уже выпилили из списков вместе с муженьком?

Я сделала шаг вперед, изображая слабость. Колени подогнулись, я схватилась за край брезентового тента, свисавшего со склада.

— Мне... мне плохо, — просипела я, давая себе секунду на оценку дистанции. Три метра. Открытая дверь ангара слева. Сигнализация не активирована для ночных дежурств — я знала эту систему лучше, чем сам Громов.

Охранник хмыкнул, но не подошел ближе. Жадность или лень? Он потянулся к телефону на поясе.

В этот момент я ударила плечом в открытую дверь склада. Металл заскрежетал по бетону. Внутри было темно, пахло кислым вином и бензином. Шаги снаружи участились.

Ангар был огромным черным нутром комбината. Стеллажи уходили во тьму, заполненные желтыми и красными канистрами. Холод здесь был другим — химическим, въедливым. Я включила фонарик на телефоне, свет дрожал. Искать пробирки нужно было быстро. Они должны лежать в сейфе технологической группы, в конце третьего ряда.

Скрипнула дверь ангара. Не охранник. Слишком тихо.

Ночной сторож. Дед Пантелей, который любил ловить студентов-наркоманов ради премии и докладывал Громову о каждом пойманном чужаке.

— Кто здесь?! — крикнул он, и луч его мощного карманного фонаря ударил мне прямо в глаза. — А! Бывшая хозяйка! Решила золотишко поискать? Ну всё, Марина Сергеевна,

сейчас мы тебе покажем кузькину мать!

Он двинулся ко мне, держа в руке массивную дубинку. Я попятилась, споткнувшись о порожек стеллажа. Спина упёрлась в полку с кислотами.

Паника захлестнула горло. Но инженерный ум работал четко. Я видела маркировку на бутылках рядом с моей головой. Концентрированная азотная кислота. Пары.

Когда Пантелей протянул руку, чтобы схватить меня за ворот халата, я резко толкнула верхнюю полку. Стекло звякнуло, одна бутыль сорвалась и разбилась о бетон. Шипение было мгновенным. Облако едкого, белого пара взметнулось вверх.

Сторож закашлялся, отшатнулся, прикрывая лицо рукавом телогрейки. Глаза его слезились, он начал пятиться к выходу, матерясь сквозь кашель.

— Сука! Ты меня убиваешь! — хрипел он.

Я не ждала. Подхватила с пола металлический кейс, который заметила ранее — именно там хранились мои рабочие пробы и копии схем вентиляции, которые я тайно копировала годами. Вес был небольшим, но реальным.

Выбегая наружу, я увидела, как Пантелей, шаркая ногами, бежал к будке охраны. У меня было две минуты. Может, три. Пока они придут с собаками или просто с дубинками потолще.

И тут раздался звук мотора. Дорогой, глухой басок внедорожника. Фары вспыхнули, ослепляя меня. Из машины

вышел высокий мужчина в длинном темном пальто. Он не смотрел на сторожа. Он смотрел на меня. На мои руки, сжимающие кейс. На мой цвет лица.

— Стоять, — сказал он спокойно. Голос был низким, бархатным, но в нем звенела сталь.

Пантелей замер, открыв рот.

— Вы кто такой? Здесь частная территория! — визгливо крикнул он.

Мужчина достал телефон, набрал номер и приложил трубку к уху, не отрывая взгляда от меня.

— Лидия Петровна? Да, это Ветров. Нет, я не буду ждать Громова. Я стою у ангара №4. Тут нарушение хранения опасных веществ и попытка незаконного проникновения персонала. Охрана бездействует. Если через пять минут не приедет начальство, я вызываю Роспотребнадзор и полицию. Да. Передайте привет Громову.

Он повесил трубку. Пантелей побледнел еще сильнее, чем от паров кислоты. Он знал это имя. Артур Ветров. Независимый аудитор. Тот самый, который мог закрыть завод одной подписью.

Артур подошел ближе. От него пахло дорогим табаком, морозом и чем-то неуловимо опасным. Хищником.

Он остановился в шаге от меня. Я инстинктивно завела кейс за спину.

— Что там? — спросил он. Не вопрос, констатация факта.

— Мои документы, — ответила я, чувствуя, как дрожат

губы. — И пробы. Для проверки.

Его глаза цвета мокрого асфальта скользнули по моему лицу. Он отметил красные пятна на щеках от холода, запавшие глаза, влажные волосы. Он не проявил жалости. Ни капли. Только профессиональный интерес человека, который нашел ценную деталь в механизме.

— Вы надышались кислотой? — вдруг спросил он.

Я кивнула.

— Иди сюда, — он указал на свою машину. Черный Range Rover, сверкающий на снегу. — Пока не приехали твои бывшие коллеги с микроскопом.

К этому времени подъехал начальник охраны, толстый мужчина в куртке с меховым воротником. Он вылетел из машины, красный от ярости.

— Какого хрена, Ветров?! — заорал он. — Она же вор! Выгнали её из дома, она полезла на объект! Задержите её!

Артур даже не повернулся в сторону начальника. Он посмотрел на меня. В его взгляде читалось предупреждение: доверяй мне или сдохни.

— Не трогайте её, пока не приехала полиция, Сергей Петрович, — сухо произнес Артур. — А вот у меня есть полномочия инициировать проверку всей вашей системы безопасности после того, как я обнаружил утечку токсичных отходов в зону дыхания сотрудников. Вы хотите, чтобы завтра весь город узнал, что ваш директор женится на дочери главного акционера, чтобы скрыть экоцид?

Начальник охраны осекся. Лицо его стало пепельным. Он знал, о чем говорит Артур. Все знали, но молчали. Потому что Громов платил.

— Это ложь! — проблеял охранник. — Вы просто...

— Машина, — перебил Артур. — Быстро.

Я шагнула к джипу. Ноги еле слушались. Артур открыл пассажирскую дверь и поддержал меня под локоть, помогая сесть. Внутри было тепло, пахло кожей и спокойствием. Он сел за руль, хлопнул дверью и завел двигатель. Звук был мощным, убаюкивающим.

Начальник охраны остался стоять посреди дороги, растерянный и злой. Пантелей прятался за его спиной.

Артур включил печку на максимум. Тепло обожгло мои замерзшие руки. Он молча протянул мне термос из бардачка.

— Пей. Это не яд.

Я взяла термос. Руки дрожали так сильно, что крышка едва поддавалась. Когда я отпила глоток горячего чая с имбирем, меня начало трясти уже не от холода, а от облегчения. Слезы, которые я сдерживала последние дни, наконец прорвались. Капли падали на колени, смешиваясь с грязью с халата.

Выезжая с территории завода, Артур коротко взглянул на меня. Его лицо оставалось бесстрастным, но я видела, как напряжены его челюсти.

— Зачем ты туда полезла? — спросил он тихо. Вопрос

был не любопытства, а оценки риска.

— Чтобы найти доказательства, — прошептала я. — Виктор... он убивает нас всех. Медленно. Но уверенно.

Он усмехнулся. Коротко, горько.

— Доказательства бесполезны, если их никто не хочет видеть. Но они нужны, чтобы открыть глаза тем, кто еще может смотреть.

Он остановил машину у обочины. Выключил двигатель. Тишина стала оглушающей.

— Ты знаешь, кто я такой, Марина? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Аудитор.

— Нет. Я тот, кто собирает мусор, чтобы построить из него монумент справедливости. Или тюрьму. Смотря как лягут карты.

Я посмотрела на него. В его глазах плясали отблески фар встречных машин. Опасные. Манящие. Как огонь в камине, который можно погасить только водой. Или кровью.

— Ты боишься меня, — констатировал он. Не вопрос.

— Я боюсь Виктора, — ответила я. — Тебя я боюсь меньше. Потому что ты хочешь правды. А он хочет власти.

Артур наклонился ближе. Запах его одеколона — сандал и холодный металл — окутал меня.

— Правда имеет цену, Марина. Иногда она стоит всего, что у тебя осталось. Твоей жизни. Твоего покоя.

Он протянул руку и аккуратно забрал у меня кейс с доку-

ментами. Проверил замки. Кивнул сам себе.

— Мы поедем ко мне. Там безопасно. Ночью. А утром мы решим, кому эти бумаги будут стоить головы.

Я кивнула. Мне было все равно, куда ехать. Главное — быть живой. И иметь шанс.

Артур завёл двигатель. В зеркале заднего вида удалялся коттедж Громова, освещенный праздничными гирляндами. Лидия, наверное, уже пила шампанское. Виктор, наверное, смеялся.

— Он думает, что победил, — сказал Артур, не повышая голоса, глядя на дорогу. — Но он забыл одну вещь.

Какую?

— Яды имеют свойство накапливаться. И ты, Марина, теперь часть этой формулы.

Машина рванула в темноту, оставляя позади прошлое, которое пахло гарью и предательством. Впереди была неизвестность. Но впервые за много дней я чувствовала, что дышу полной грудью.

Глава 5

Офис Артура Ветрова пах не кофе и не пылью, а чем-то стерильным, как операционная в морге. Стекло, металл, тишина. Я стояла посреди этого холодного пространства, чувствуя себя грязной кляксой на белоснежном холсте. Руки все еще тряслись после улицы — мелкая дрожь, которая не уходила даже когда я сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Стыд жег изнутри сильнее мороза. Виктор вышвырнул меня из дома, как ненужную мебель, а этот человек... этот человек смотрел на меня так, будто оценивал товар на аукционе рабов. Без злобы, без жалости. Просто считал.

— Садитесь, — сказал он. Голос был низкий, бархатный, но от него по спине пробежали мурашки, которые ничего хорошего не обещали.

Я не села. Ноги отказывались слушаться. Артур молча придвинул мне стакан воды. Прозрачная жидкость плескалась о стенки, отражая тусклый свет ламп. Он не предлагал помощь, не спрашивал, нужна ли мне салфетка или тепло. Он просто ждал. Его равнодушие давило тяжелее любого крика Виктора. Тот хотя бы орал, бил посуду, показывал свои эмоции, пусть и мерзкие. А здесь была пустота. Бездна, в которую можно было упасть и раствориться.

Я сглотнула слюну, заставляя себя выпрямить спину. Плечи распрямились с хрустом.

— Мне нужно работать, — сказала я. Голос сорвался, превратившись в хрип. Я прочистила горло, стараясь говорить четко, инженерно, сухо. — У меня есть опыт. Десять лет на «Химсинтезе». Знаю каждую трубу, каждый клапан.

Артур чуть наклонил голову. Его глаза, серые, как небо перед бурей, скользнули по моему лицу, задержались на синяках под глазами, на дрожащих губах.

— Опыт, который вам принадлежит? Или тот, который украл Громов?

Он достал из папки мои чертежи. Те самые, которые я вынесла со склада в металлическом кейсе. Бумаги были мятые, с пятнами грязи, но схемы фильтрации читались ясно. Артур положил их передо мной и ткнул пальцем в узел вторичной очистки. Ноготь его был коротко острижен, чистый.

— Здесь ошибка. Расчеты пропускной способности занижены на тридцать процентов. Вы знали это? Или боялись?

Вопрос повис в воздухе, как топор над шеей. Обвинение в соучастии. В глупости. В трусости. Все сразу.

Мои руки замерли на краю стола. Я посмотрела на цифру, которую видела тысячу раз, но никогда не осмеливалась озвучить вслух. Потому что озвучить означало потерять дом. Потерять мужа. Потерять статус жены директора, пусть и фиктивной.

— Я знала, — прошептала я. Признание выжгло изнутри последние остатки самолюбия. — Молчала ради семьи. Ради того, чтобы Виктор не увольнял весь цех. Думала, что систе-

ма сама исправится. Что они просто перестрахуются.

Это была ложь. Частичная. На самом деле я боялась его. Боялась его молчания, которое могло длиться неделями. Боялась, что он сделает мою жизнь адом. Но сейчас, глядя в эти колючие глаза аудитора, я поняла: страх уже не имел власти надо мной. Я уже была на дне. Отсюда только вверх.

Артур не улыбнулся. Не смягчился. Он перевернул листок.

— Хорошо. Тогда условия просты. Работа консультантом по экологической безопасности независимого аудита. Оплата... символическая. Для начала хватит на еду и лекарства. Условия жесткие: никакой самодеятельности на заводе. Никаких личных встреч с бывшим мужем. На территории комбината вы работаете только в рамках аудита. Нарушите это условие — контракт расторгается мгновенно. Вы становитесь невидимкой для системы Громова.

Страх снова кольнул сердце. Опять чужие правила. Опять клетка. Только теперь дверь заперта изнутри, а снаружи стоит охранник, которого я не выбирала.

— Почему я должна верить вам? — спросила я. — Вы же знаете, кто мой бывший муж. Вы знаете, на что он способен.

— Потому что альтернатива — голодная смерть в комнате номер четыреста девять, где нет отопления, — ответил он ровно. Номер комнаты резанул ухо. Он приходил туда утром. Значит, запомнил и мой адрес, и холод.

Я не стала спрашивать. Ответ был очевиден: он искал ме-

ня. Или следил. Или просто был слишком хорош в своей работе, чтобы упустить деталь.

Альтернативы действительно не было. Пустой холодильник в общежитии, кашель, который рвал грудную клетку, и перспектива стать бомжом в провинциальном городке, где все знают каждого.

— Согласна, — сказала я. Мгновенно. Без колебаний. Слово «согласна» прозвучало как выстрел.

Артур достал ручку. Перо царапнуло бумагу, оставляя тонкую черную линию. Он придвинул договор ближе к краю стола.

— Подпишите здесь. И здесь.

Я взяла ручку. Она была тяжелой, холодной. Металл грелся в моей ладони, пока я водила рукой.

— Если подпишете, вы станете мишенью, — тихо добавил он. Не предупреждением, а констатацией факта. — Громов узнает, что кто-то копает под его фундамент. Узнает, что это женщина, которую он выгнал. Это будет война. И вы будете в ней первой линией обороны.

Инстинкт самосохранения заорал внутри: «Беги! Верни бумагу! Исчезни!». Мои пальцы замерли на последней строчке. Я посмотрела на свое отражение в стеклянной стене офиса. Бледное лицо, темные круги, взгляд загнанного зверя.

И вдруг вспомнила лицо Лидии. Ее смех. Тот самый, звонкий, беззаботный, когда она садилась в машину Виктора,

бросая на меня презрительный взгляд, как на пустое место. Как на мусор, который убрали с дороги.

Злость поднялась волной, горячей и очищающей. Не страх. Злость.

Я дописала подпись. Твердой рукой. Ровно. Красиво.

Впервые за месяц я почувствовала вкус чего-то, кроме горечи. Вкус действия. Месть через работу. Через знание. Через то, что я могу быть полезной не ему, а правде.

Когда я встала, колени снова затряслись, но уже от облегчения.

— Остальные документы передайте курьеру завтра до полудня, — сказал Артур, убирая договор в сейф. Щелчок замка прозвучал как приговор для кого-то другого.

Я направилась к двери. Мороз встретил меня ударом ветра, сбивая дыхание. Город выглядел серым, призрачным. Фонари горели тускло, желтым светом, выхватывая из темноты голые ветви деревьев.

На пороге нас догнала секретарь Артура — высокая женщина с идеальной прической и лицом, словно высеченным из камня. Она шепнула ему что-то на ухо. Быстро. Коротко.

Лицо Артура изменилось. Оно побледнело, стало жестким, каменным. Он резко повернулся ко мне.

— Идите домой. Немедленно. Не звоните мне. Не пишите. Если увидите черную «Волгу» с тонированными стеклами — бегите в полицию. Прямо сейчас. Не домой. В участок.

Его голос звучал иначе. Не приказом, а предупреждением.

Опасность исходила от него, но была направлена не на меня. Кто-то другой хотел нас обоих.

— Что происходит? — спросила я, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

— Идите, Марина! — рявкнул он. Так, что я вздрогнула.

Я вышла в ночь. Холод бил в лицо, но внутри было горячо от страха и азарта. Контракт стал не щитом. Он стал мечом. Тяжелым, обоюдоострым клинком, который мог порезать и того, кто его держит.

Черная «Волга». Тонированные стекла. Знакомая машина. Машина охраны Виктора. Они были здесь. Смотрели. Ждали.

До общежития я добралась бегом. Легкие горели огнем, ноги стучали о ледяной асфальт. Комната №409 была моим убежищем, но вход туда преграждала хозяйка — Валентина Петровна. Толстая женщина в платке, с лицом, испещренным глубокими морщинами недовольства.

Она стояла на лестничной площадке, скрестив руки на груди.

— Деньги, — сказала она без приветствия. — За следующие дни. Плюс штраф за шум. Твой кашель будит соседей.

— Я уже оплатила комнату при заселении, — ответила я. — Вы взяли мои последние три тысячи.

— Это твои проблемы, — она махнула рукой на сумку, которая стояла у двери. — Платишь до утра, вещи вылетят в снег. Таков порядок. Система работает, деточка. А ты слабая.

Слабых едят.

Бытовое давление. Мелкое, подлое, повседневное. Система, где нет места тем, кто потерял опору.

Я полезла во внутренний карман пальто. Там лежал конверт. Аванс от Артура. Наличные. Первые деньги, заработанные честным трудом, а не милостью мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.